

Анджей НОВАК

ИСТОРИЯ КАК ПРЕСТУПЛЕНИЕ (РАЗМЫШЛЕНИЯ ПРЕСТУПНИКА)*

Когда я получил от *Ab Imperio* предложение прокомментировать решение третьего президента России об учреждении комиссии, призванной бороться с фальсификацией истории, я вспомнил слова, приписываемые первому императору Франции: “L’histoire est une suite de mensonges sur lesquels on est d’accord”.¹ Именно так это может выглядеть с точки зрения власти. Когда Наполеон высказал эту “золотую мысль”, битва при Ватерлоо уже была проиграна. Он знал, что он теряет власть, в том числе власть над “историей”. Проблемы в отношениях между властью и историей начинаются в тот момент, когда первая из них чувствует себя настолько неуверенно, что начинает искать поддержку в циничном манипулировании образом прошлого, но одновременно и настолько сильной, что может действительно думать о том, чтобы навязать интерпретацию любого исторического факта. За две тысячи лет до Наполеона первый император Китая, видимо, осознавая, насколько трудно заставить подданных принять общую интерпретацию прошлого, решил эту проблему радикально: как мы знаем, он повелел уничтожить историю как науку и сжечь книги, посвященные исторической тематике.

* Перевод с польского О. Лешковой.

¹ Что есть история, как не басня, в которую договорились поверить (франц).

Не случайно ли совпадение: в первом случае высказался император Наполеон и во втором – император, а обсуждаем мы политическое решение современных российских властей... Может, проблема манипулирования памятью как-то связана с империей и теми, кто провозглашает или осуществляет на практике идеи империи?

Наверняка существует специфическое имперское измерение этой проблемы, и я действительно усматриваю его в подготавливаемом правящей в России партией проекте федерального закона “О противодействии реабилитации в новых независимых государствах на территории бывшего Союза ССР нацизма, нацистских преступников и их пособников”.² Это имперское измерение проявляется уже в самом названии проекта, но еще более четко оно раскрыто во вступлении к нему: “Российская Федерация – продолжатель Союза Советских Социалистических Республик” присваивает себе право защищать “историческую корректность” (по аналогии с политкорректностью) на территории всех “бывших республик Союза ССР”. Это очередное проявление амбиций “имперского центра”, желающего контролировать пространство, рассматриваемое как окраины империи или, во всяком случае, как естественная сфера российского влияния. Проект борьбы с фальсификацией истории не пытается скрыть данного намерения – напротив, особо подчеркивает его, перечисляя страны, которые подлежат историко-правовой юрисдикции Москвы. В проекте они даны в алфавитном порядке (сколь же красноречив этот случайный порядок!) – от Абхазии до Южной Осетии, а между ними и такие страны, как Украина, с одной стороны, и Узбекистан – с другой, и три страны-члены Евросоюза: Литва, Латвия и Эстония.

Во всех этих странах российские органы власти и российская прокуратура должны были бы получить право на активную борьбу с “проявлениями нацизма в любой форме”, а также на “противодействие осквернению памяти о понесенных в годы Великой Отечественной войны жертвах”.³ В проекте дается следующее определение нацизма: “тоталитарная идеология и практика ее применения гитлеровской Германией, ее союзниками и пособниками в период с 1933 по 1945 годы”. И я сразу задумываюсь, что было бы, если бы я уже после вступления этого закона в жизнь попытался опубликовать в *Ab Imperio* статью, в

² www.regnum.ru/news/1153517.html Последнее посещение 23.06.2009.

³ О международных последствиях этого проекта писал, в частности, Януш Бугайский (см. Janusz Bugajski. Is Russia Determined to Repeat Its history? // The Wall Street Journal Europe. 11.06.2009).

которой бы рассматривалась тема двух пактов Молотова – Риббентропа (от 23 сентября и 28 сентября 1939 года) и форм союзнического сотрудничества СССР с III Рейхом в течение последующих 20 месяцев (напр., серии конференций гестапо – НКВД, посвященных обмену опытом в деле борьбы с польским подпольем)? Конечно, тема могла бы не заинтересовать редакцию *Ab Imperio*, но если бы она все же привлекла внимание редакторов, кому угрожало бы наказание – мне или им? Поскольку я не являюсь гражданином ни одной из республик бывшего СССР, то, видимо, именно сотрудники *Ab Imperio* находились бы под угрозой применения санкций. Но если подобную статью захотел бы написать коллега из Литвы (скажем, на тему ликвидации литовского государства в 1940 году как результата союза III Рейха и СССР), он должен был бы принимать в расчет: а не заинтересуется ли им прокуратура Российской Федерации. Ведь в статье 16 проекта нового закона четко говорится: “В случае совершения лицом [гражданином нового независимого государства – бывшей республики Союза ССР] деяния, предусмотренного законодательством Российской Федерации о противодействии экстремистской деятельности, данное лицо несет ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации о противодействии экстремистской деятельности и уголовным законодательством Российской Федерации.”

В свете нового закона рассмотрение СССР как союзника III Рейха с большой долей вероятности может оказаться “экстремистской деятельностью” и наверняка может квалифицироваться как “осквернение памяти о Великой Отечественной войне”. Так происходит потому, что определенной, специфической интерпретации истории придается ранг интерпретации обязательной с точки зрения закона. Суть этой интерпретации выражают, в частности, те фрагменты проекта закона, в которых пространство и время объединяются в одно (имперское?) целое. Примером такого фрагмента может служить статья 3, в которой дается определение “пособника нацизма”: “лицо, добровольно или в результате мобилизации поступившее на службу в любые органы, организации, институты национал-социалистического режима Германии или сотрудничавшее с оккупационной администрацией на территории СССР в границах по положению на 22 июня 1941 года”. Пространство – это территория СССР в границах от 22 июня 1941 года, то есть уже после поглощения СССР всех территорий, которые государство Сталина приобрело после 1 сентября 1939 года в соответствии с Пактом Молотова – Риббентропа. Время между 1-м сен-

тября 1939 года, когда III Рейх напал на Польшу, или же 3 сентября, когда на стороне Польши против III Рейха выступили Великобритания и Франция, и 22-м июня 1941 года исчезает из официальной истории Второй мировой войны и, соответственно, должно исчезнуть из памяти тех людей или исторических сообществ, которые испытали на себе войну не с 22 июня 1941, а уже раньше. Исчезнуть из памяти многих граждан республик бывшего СССР должны те факты, которые приводят к заключению, что в период между 23 августа 1939 и 22 июня 1941 несомненным “пособником нацизма” был Сталин, Советский Союз и его силовые органы во главе с Красной армией и НКВД.

Здесь я позволяю проявиться, быть может, специфически польской исторической памяти. Для Польши (во всяком случае для подавляющего большинства жителей II Польской республики) Вторая мировая война началась 1 сентября 1939 года, а вступление в Польшу Красной Армии 17 сентября, за 11 дней до капитуляции Варшавы, воспринималось и осталось в памяти как “удар в спину”. Эта память дополняется памятью о сотнях тысяч жертв советской оккупации в течение последующих 20 месяцев, убитых (не только в Катыни) и вывезенных в лагерь. Можно привлечь и другие “национальные памяти”, например чешскую, в которой отсчет военных испытаний начался еще раньше – с момента раздела чехословацкого государства, совершившегося в Мюнхене, в котором в определенной степени приняли участие Польша и Венгрия. Хотя эта память не была подкреплена кровавыми жертвами – если речь идет о польской оккупации Заользя, однако и ее было бы наверняка столь же трудно искоренить, как память “польскую”.

И разве не столь же трудно было бы навязать память, рассматриваемую проектом закона о фальсификации истории как обязательную, литовцам, латышам и эстонцам? Благодаря государственным усилиям, но еще чаще – семейной “исторической политике” в памяти многих из них укоренилось осознание, что трагедия Второй мировой войны началась с ликвидации их государства Советским Союзом и вступления Красной армии на их территорию летом 1940 года.

Это интересная проблема, которая, конечно же, касается и памяти других историко-этнических сообществ, различных их подгрупп и отдельных единиц, воспринимающих начало Второй мировой войны, ее величайшие трагедии и наиболее жестоких виновников из своей особой перспективы, в то же время упрятывая в самые дальние закоулки памяти проблему ответственности сообщества, с которым они самоидентифицируются, за трагедию соседей.

Рассматриваемый законопроект переносит эту проблему в плоскость имперской политики. Готтфрид фон Лейбниц в своих “Entretiens de Philarète et Eugène sur le droit d’ambassade” определил суть империи как способность подрывать суверенитет других государств без необходимости ведения с ними постоянной войны. Приводя в пример политику папского государства по отношению к соседним итальянским княжествам, Лейбниц говорил, что папская империя простиралась так далеко, как далеко распространялась власть ее полицейских чиновников, называемых “sbirros”.⁴ Если бы сотрудники российской прокуратуры могли реально контролировать интерпретацию истории Второй мировой войны на всей территории бывшего Советского Союза, можно было бы сказать, что границы новой Российской империи простираются настолько, насколько распространяется реальная сила закона о фальсификациях истории.

Проект предусматривает, однако, не только профилактические действия, но также (в статье 20): принятие адекватных дипломатических мер воздействия, не связанных с военным принуждением, включая направление ноты протеста, понижение уровня дипломатических отношений, высылку за пределы Российской Федерации дипломатических и консульских представителей, полное или частичное прекращение железнодорожных, морских, воздушных, почтовых, телеграфных, радио- или других средств сообщения, разрыв дипломатических отношений.

Когда я читал этот фрагмент проекта, память (а скорее, польская историческая традиция) снова подбросила мне ассоциацию с Филаретом – но не тем, чьими устами Лейбниц обсуждал деятельность папских “sbirros”. В 1650 году в Варшаву отправилось великое посольство, возглавляемое боярином Григорием Гавриловичем Пушкиным и его племянником окольниковым Степаном Пушкиным. За два года до этого против Речи Посполитой восстало казачество. Гетман Хмельницкий обратился к Москве. Речи Посполитой угрожала гибель, катастрофа. А тем временем московское посольство привезло неожиданное предложение: царь сохранит вечный мир с Речью Посполитой, но только в том случае, если будут наказаны авторы и издатели книг, которые выпускаются в Польше и “неправильно” представляют историю отношений между Речью Посполитой и Москвой, используют “обидные” определения по отношению к царской семье, в частности в адрес деда правившего в то время царя Михаила Федоровича – патриарха Филарета (которо-

⁴ Цит. по: Michael W. Doyle. *Empires*. Ithaca & London, 1986. Pp. 30-31.

го прозвали “трубачом”). Послы называли конкретные заглавия книг, например изданную в Гданьске в 1643 году книгу о польско-русской войне 1632-1634 гг. за Смоленск. “Написано в этой книге, что Владислав (король польский) вероломных московитян осадил и до такого отчаяния довел, что ... москали, трижды падая на колени, о милосердьи просили”.⁵ Так быть не должно! Послы царя просили, чтобы авторов и издателей таких “неправильных” книг покарали смертью, а сами книги были преданы огню. Сенаторы Речи Посполитой на встрече с Пушкиным дали такой ответ, который достоин того, чтобы его привести: “Король и мы не приказываем печатать, но и не запрещаем. Если какой печатник напечатает хорошие и справедливые вещи, то мы это хвалим, а если глупцы напечатают что-то скверное, недостойное, лживое, то мы над этим смеемся. Если же никто книг печатать не будет, то потомки наши ничего о нас знать не будут. [...] Пусть великий государь велит печатать о Польше все, что ему нравится, мы этого за обиду не считаем и вечного мира разрывать не будем”.⁶

Русские послы, однако, не отступались. После продолжавшихся несколько месяцев (!) переговоров они в конце концов согласились, чтобы виновные в преступных, по их мнению, деяниях в соответствии с польским правом были наказаны, однако же из упомянутых книг должны быть вырваны страницы, содержащие “оскорбительные” для России формулировки, и публично сожжены. Так и было сделано. Член русского посольства надзирал за публичной процедурой сожжения книг и выслушал обращение к жителям Варшавы, чтобы никто книг, где плохо пишут о России, дома не держал, а отнес лицу, назначенному королем для вырывания и уничтожения “пагубных страниц”.

Таким образом России в первый раз удалось ввести политическую цензуру в Речи Посполитой (действовала только религиозная цензура – существовал запрет на издание атеистических произведений). Неужели так выглядит перспектива будущего в странах, входивших ранее в СССР?

Я много размышлял над вопросом “имперскости” Речи Посполитой и ее наследия в Польше. В контексте российского проекта закона я прихожу к заключению, что с целью подтвердить “наши имперские амбиции” власти в Варшаве должны разработать новый закон, который бы предписывал общую интерпретацию “общей истории”, например

⁵ Цит. по: Ludwik Kubala. Szkice historyczne. Seria pierwsza (Poselstwo Puszkina w Polsce). Kraków, 1901. С. 213.

⁶ Там же. С. 216.

Люблинской унии 1569 года. Закон, предписывающий лестную интерпретацию Люблинской унии в качестве, скажем, своего рода исторической подготовки к Европейскому Союзу, мог бы стать обязательным для всех стран-“наследников” давней Речи Посполитой, связанных той унией – то есть (кроме Польши) для Литвы, Латвии, Белоруссии и Украины.

Можно представить себе также и другой проект закона об истории, может, даже не навязанный “имперским центром”, а согласованный совместно “находящимися под угрозой” окраинами – например, закон, запрещающий иную интерпретацию Пакта Молотова-Риббентропа, кроме той, которая рассматривает его как главное политическое преступление, определившее все дальнейшие несчастья Второй мировой войны. Такой закон могли бы согласовать, скажем, те страны, которые считают себя жертвами Пакта, то есть Литва, Латвия, Эстония, Финляндия и Румыния. Большее число стран могло бы принять участие в разработке закона о совместной “исторической политике”, осуждающей решения Ялтинской конференции относительно Центральной и Восточной Европы (или Центрально-Восточной, кому как больше нравится). Примеры можно множить. Однако ограничивается ли проблема с применением санкций в “исторической политике” только теми случаями, когда одно государство стремится выйти за свои пределы и ведет себя как “империя” в самом простом, очевидном смысле этого слова? И касается ли это только России?

Ни в коем случае. Начинается все обычно достаточно “невинно”, как в обсуждаемом проекте российского закона – с юридического запрета подвергать сомнению нацистские преступления, в особенности (или исключительно) Холокост. Отрицание Холокоста, как известно, уголовно наказуемо во многих странах, и известны случаи применения этого закона по отношению к лицам, которые подозреваются в его нарушении. Здесь можно упомянуть известное дело посаженного в тюрьму в Австрии британского историка Дэвида Ирвинга или недавнюю попытку привлечь к ответственности на том же основании епископа Ричарда Вильямсона. Давайте, однако, рассмотрим более детально динамику этого “исторического” правоприменения на примере Франции, где 13 июля 1990 года был принят закон, предусматривающий наказание в виде лишения свободы на один год и/или денежный штраф в размере 45 тыс. евро для тех, кто ставит под сомнение историческую правду о геноциде еврейского населения в годы Второй мировой войны и о

других преступлениях, определяемых французским правом как “преступления против человечности”. Десятью годами позже французский парламент признал таким преступлением совершенный турками геноцид армянского народа в 1915 году. В мае 2001 года как преступление против человечности законодательно было квалифицировано рабство и работорговля – но только та, которая велась европейскими странами (торговля рабами, осуществляемая неевропейскими странами в Азии или Африке, не была признана преступной...). Естественно, отрицание этих преступлений в исторических работах также автоматически становилось объектом применения уголовно-административных санкций. Неожиданно, однако, французский законодатель решил отдельным законом предписать и позитивную интерпретацию истории: на основании закона от 23 февраля 2005 года в школьных программах было велено подчеркивать “le rôle positif de la présence française outre-mer, notamment en Afrique du Nord, et accordent à l'histoire et aux sacrifices des combattants de l'armée française issus de ces territoires la place éminente à laquelle ils ont droit”.⁷

Что будет дальше? Возврат к афоризму Наполеона? Когда государство предписывает согласие в сфере истории, когда декретом определяет, что есть правда, а что “фальсификация”, дорога к административному манипулированию историей открыта.

С несколько иной ситуацией мы сталкиваемся тогда, когда государство не декретирует историческую правду, не навязывает ничего в этой области историкам, но оно решает выступить в роли одного из субъектов, формирующих (наряду с частными СМИ) политические взгляды граждан, например, ставя памятники одним героям и разрушая другие, финансируя съемки одних фильмов на исторические темы и отказывая в финансовой поддержке другим, создавая институты, которые будут заниматься одними жертвами, а не другими. В этом случае, как мне кажется, оценка ситуации зависит прежде всего от оценки характера данного государства: от того, подлежат ли государственные институты общественному контролю, в котором голос политической оппозиции звучит в полную силу, и от того, насколько сильны независимые от государства центры общественной коммуникации. Как с этим обстоит в России, могут ответить сами читатели *Ab Imperio*.

А как выглядит ситуация в Польше? Сразу скажу, до недавнего времени мне казалось, что не худшим образом. Но прежде чем объяснить,

⁷ André Larané. Lois mémorielles: L'Histoire en délire // Herodote. Décembre 2005. Цит. по: www.herodote.net/articles/article.php?ID=59

почему мне так казалось прежде и почему сегодня я настроен менее оптимистически, необходимо познакомить читателя с некоторыми подробностями польской дискуссии вокруг “исторической политики”. Здесь нас интересуют прежде всего дискуссии по поводу двух потенциальных ограничений свободы исторических исследований: 1) наказания за “неправильные” интерпретации или отрицание конкретных исторических фактов и 2) стимулирование в рамках “исторической политики” государства заинтересованности историков конкретными направлениями исследований.

Так вот, в Польше дискуссии по поводу этих проблем в последние годы концентрировались в первую очередь вокруг Института национальной памяти (ИПН). Институт был создан 11 лет назад на основании соответствующего парламентского закона, принятого в декабре 1998 года голосами правящей тогда коалиции, объединявшей правоцентристскую партию АВС (Акция Выборча Солидарность: AWS = Akcja Wyborcza Solidarność) и либеральную партию Уния Вольности (Unia Wolności). Цели деятельности Института определялись уже в преамбуле решения о его создании. Там, в частности, говорится о “необходимости сохранения памяти о многочисленных жертвах, потерях и разрушениях, которые выпали на долю польского народа в годы Второй мировой войны и после ее окончания”, об “укреплении патриотических традиций борьбы польского народа с оккупантами, нацизмом и коммунизмом”, о “необходимости преследовать за преступления против мира, человечности и военные преступления”, а также “о долге нашего [то есть современного] государства компенсировать всем пострадавшим урон, нанесенный государством [коммунистическим, существовавшим в 1944–1989 гг.], нарушавшим права человека”.

Институт объединяет три функции: функцию архива, функцию прокуратуры и функцию научно-образовательного учреждения – и к ним прибавляется еще одна, политически наиболее дискуссионная: функция так называемой люстрации. Она состоит в том, что Институт участвует в процессе установления, были ли лица, занимающие руководящие посты в государстве и подпадающие под закон о люстрации, тайными сотрудниками коммунистических спецслужб или нет. В Институт были переданы практически все сохранившиеся архивы бывших спецслужб коммунистического государства (часть документов уничтожили работники коммунистического аппарата в 1989 и 1990 гг.) – в общей сложности почти 80 километров стеллажей с документами, раньше практически недоступными исследователям. Закон об ИПН

предусматривает предоставление документов, собранных в архивах спецслужб ПНР, лицам, о которых органы госбезопасности собирали информацию на основе целенаправленно добываемых данных, в том числе тайно. К задачам Института относится также ведение следствий по делам о “преступлениях нацизма и коммунизма” и осуществление просветительско-образовательной деятельности.

ИПН – это мощная организация, однако не монополист. В нем работает несколько сотен историков и архивистов, в большинстве своем – представителей младшего поколения, сформировавшегося уже после падения коммунистической системы. Это их, а вовсе не всех польских историков касаются те обязанности и обязательства, которые перечислены во вступлении к закону об Институте. Другие историки, которые занимаются новейшей историей Польши и работают не в Институте, а в вузах или институтах Академии наук, могут, проводя свои исследования, не переживать особо по поводу проблем, связанных с сохранением “памяти о многочисленных жертвах” или “патриотических традиций борьбы...”. Станут ли “память” и “традиции” в работах самого ИПН подпиткой для ведения обычной исторической пропаганды, или же в очерченных рамках смогут появляться исследования, допускающие множественность интерпретаций, зависит от фактического руководства Института.⁸

⁸ Так, первый руководитель Института определил три основные темы исследований: политические судебные репрессии в Польше в период сталинизма (1944–1956) – целью было создание списка репрессированных лиц; история военного положения, введенного генералом Ярузельским против “Солидарности” в декабре 1981 года; истребление еврейского населения на польских землях в период Второй мировой войны. С последней темой была связана дополнительная исследовательская программа – история коллаборационизма поляков с оккупационными властями в период ВМВ. При новом руководстве Института (с конца 2005 г.) продолжается разработка двух первых тем в том виде, как они были сформулированы ранее; что же касается проблемы преступлений по отношению к еврейскому населению, то наряду с ней в исследованиях периода Второй мировой войны появилось также направление, связанное с украинскими преступлениями в отношении польского населения в этот период. См. широкую дискуссию на тему целей исследовательской деятельности Института и того, как понимает “национальную память” его руководство: “Национальная память и ее стражи” (дискуссия с участием Славомира Радоня, Януша Куртыки, Рышарда Терлецкого, Антония Дудека и Здзислава Зблевского) – *Ramię parodowa i jej strażnicy* // *Arcana*. 2001. Т. 2. № 38. S. 5-22, а также – через пять лет функционирования Института – “Кто (и почему) боится ИПН?” (анкета с участием Славомира Ценцкевича, Марка Ходакевича, Анджея Хойновского, Антония Дудека, Ежи Эйслера, Павла Махцевича, Анджея Пачковского и Славомира Радоня) – *Кто (i dlaczego) boi się IPN?* // *Arcana*. 2005. Т. 4-5. № 64-65. S. 248-288.

Однако это руководство действует и принимает свои решения не в вакууме. Определенное значение имеет давление со стороны политических партий, которые весьма по-разному понимают “историческую политику” государства. Некоторые, как, например, правившая в 2001–2005 гг. некоммунистическая партия (SLD), предпочитали не направлять широкий поток исследований и образовательных усилий на то, чтобы напоминать о “преступлениях коммунизма”; правые, как, например, находившаяся у власти в 2006–2007 гг. партия “Право и Справедливость” пытались использовать исследовательскую и образовательную деятельность ИПН как одно из орудий своего рода “реконкисты” исторического сознания поляков после 45 лет влияния коммунистической пропаганды.

ИПН не является, однако, с этой точки зрения орудием особо мощным. Наиболее сильное воздействие на исторические представления населения оказывают такие крупные СМИ, как общественное телевидение (до 2005 года в значительной степени возглавляемое людьми, связанными с некоммунистической партией), так и имеющие сильные позиции в Польше коммерческое телевидение и газеты. В них, однако, преобладало критическое отношение к “героической истории” и “мартирологии”. Как провозглашалось в одной из сотен статей, посвященных своеобразному крестовому походу против “мартирологического” понимания национальной истории, опубликованной в крупнейшей и влиятельнейшей польской ежедневной “Газете Выборчей”, необходимо сорвать с Польши “удобный костюм жертвы”. С этим критическим отношением можно соглашаться или нет. Наверняка оно необходимо в общественной дискуссии. Однако я лично был убежден, что его подавляющее преобладание не является позитивным явлением и не способствует свободе исторических исследований. Мне также казалось, что ИПН может – с учетом угрозы своеобразной монополии “критической истории” – сыграть роль своего рода противовеса внутри нашей современной историографии.

Когда к власти в конце 2005 года пришла правая коалиция под руководством братьев Качинских (как оказалось, на 20 месяцев), одним из ее фирменных знаков должна была стать активная “историческая политика”. По сути она состояла в попытках напомнить “патриотические традиции борьбы польского народа с оккупантами, нацизмом и коммунизмом”, то есть именно в том, что перечисляется во вступительной части Закона об ИПН. Своеобразным памятником такой “исторической политики” было строительство по инициативе Леха

Качинского, бывшего в то время еще мэром Варшавы, современного и привлекающего толпы молодежи Музея Варшавского восстания. Вопросы новой “исторической политики” стали предметом острой общественной дискуссии.⁹

Очевидно, что ее сторонники (и я принадлежал к их числу) скорее проиграли этот спор. Однако, как мне казалось, в результате было расширено пространство общественной дискуссий вокруг новейшей польской истории и плюралистичность трактовок прошлого. Казалось, что индивидуальной исследовательской свободе ничто не угрожает. Кто хотел, мог заниматься преступлениями польского населения по отношению к евреям во время Второй мировой войны или непосредственно после ее окончания, преследованиями украинского меньшинства в рамках так называемой акции “Висла” или же судьбой немцев, высланных с западных земель Польши в 1945 г. Это были и есть исследовательские темы, реализуемые как в рамках ИПН, так и, конечно же, вне Института – в польских университетах и институтах Академии наук. Кто хотел, мог заниматься судьбой польских жертв – и в Катыни, и в Освенциме, и в сталинских тюрьмах, и в период военного положения. А кто-то мог вообще абстрагироваться от политической истории и ее “горячих” вопросов, занимаясь социальными и цивилизационными изменениями, историей культуры или гендерной историей.

Применение санкций грозит только в одном случае, который определяет закон об ИПН в статье 55, где обозначено то, что нельзя в истории отрицать. В статье говорится: “Тот, кто публично и вопреки фактам отрицает преступления, о которых идет речь в ст. 1 п. 1, подлежит наказанию штрафом или лишению свободы на срок до 3 лет”. Преступления, историческую реальность которых “публично и вопреки фактам” нельзя отрицать, – это “преступления нацизма и коммунизма”, а также геноцид (в понимании международной конвенции от 1948 г.), совершенные в отношении поляков или польских граждан других национальностей в период с 1 сентября 1939 г. до 31 декабря 1989 г.

⁹ Лучший обзор позиций профессиональных историков в этой дискуссии, преимущественно критических по отношению к самому понятию и практике “исторической политики”, содержится в публикации, подготовленной и выпущенной в свет ИПН: *Pamięć i polityka historyczna. Doświadczenia Polski i jej sąsiadów*, red. Sławomir Nowinowski, Jan Pomorski i Rafał Stobiecki, Łódź 2008; см. также два сборника, представляющих по большей части высказывания сторонников “исторической политики”: *Pamięć i odpowiedzialność* / Red. Robert Kostro i Tomasz Merta. Kraków-Wrocław, 2006; *Polityka historyczna. Historycy – politycy – prasa* / Red. Lena Cichocka, Marek Cichocki, Dariusz Gawin i in. Warszawa, 2005.

Насколько мне известно, единственным лицом, в отношении которого было открыто уголовное дело на основании этой статьи, до настоящего времени остается доктор Дариуш Ратайчик из Опольского университета. В 1999 году, после выхода в свет его книги, ставящей под сомнение исторические факты преступлений Холокоста, он был уволен из университета. Дело, начатое против него в соответствии с упомянутым законом, затем прекратили на основании решения Окружного суда в Ополе в 2002 году.

Если термин “преступления нацизма” в законе об ИПН понимается так же, как во французском или немецком законодательстве, то как преступления коммунизма польский закон квалифицирует “действия, совершенные функционерами коммунистического государства в период с 17 сентября 1939 г. до 31 декабря 1989 г., состоящие в применении репрессий или других форм нарушения прав человека в отношении отдельных лиц или групп населения или связанные с их применением, содержащие состав преступления в соответствии с польским законодательством, действующим в момент их совершения”. Таким образом, согласно закону, данные преступления могли иметь место начиная с вторжения на территорию польского государства армии коммунистического государства (т.е. армии СССР, которая вошла в Польшу 17 сентября 1939 г.) и вплоть до прекращения существования Польской Народной Республики 31 декабря 1989 г. Уголовным преследованием за такие преступления – подчеркнем, преступления не сегодняшних историков, а “функционеров коммунистического государства”! – должно заниматься прокурорское подразделение ИПН. Мне казалось, что возможность наказывать историков за их мнения и интерпретации, какими бы глупыми они ни были, в Польше была фактически весьма ограниченной.

Однако в апреле нынешнего года я убедился, что не все так спокойно и безопасно. Что же произошло? А произошло вот что: выпускник Ягеллонского университета Павел Зыбак опубликовал в издательстве ARCANA тиражом в 3,5 тысячи экземпляров свою магистерскую работу, посвященную политической биографии лидера “Солидарности” Леха Валенсы. Исследование это достаточно необычное для стандартной дипломной работы, оно насчитывает около 700 машинописных страниц, снабжено более чем 2000 ссылок на источники – как архивные, так и опубликованные. Они дополняются более чем 50 собранными автором свидетельствами очевидцев истории Леха Валенсы. Я являлся научным руководителем этой работы и так же, как и второй рецензент, оценил ее, несмотря на несколько имевшихся ошибок, на

“отлично”. Опубликованная книга относится к своему герою критически: показывает непоследовательность и противоречия в его различных автобиографиях, в особенности там, где речь идет о детстве и ранней молодости Леха Валенсы; подтверждает уже ранее установленный факт его кратковременного сотрудничества с коммунистической Службой безопасности (в 1970–1974 гг.); показывает в его политической карьере элементы достаточно грубой борьбы за власть в “Солидарности”, а не только благородную борьбу за высокие идеалы. Политическое табу было нарушено.

Через несколько недель после выхода в свет этой работы выступили защитники Леха Валенсы. По этому вопросу высказались практически все значимые политические фигуры в государстве, в частности премьер-министр Дональд Туск, маршал Сената, маршал Сейма. Все осуждали книгу, хотя ни один из выступавших, конечно же, ее не читал. Вице-маршал Сейма – политик, принадлежащий к правящей либеральной партии (Гражданская Платформа), энтомолог по образованию, в своем телевизионном выступлении потребовал, чтобы меня как научного руководителя этой дипломной работы вышвырнули из университета, лишили научных званий и права быть историком. Министр образования – юрист по специальности – направила на исторический факультет Ягеллонского университета специальную комиссию, которая должна была проверить “качество исторического образования” в названном университете (старейшем в Польше и ежегодно признаваемом лучшим вузом страны). Она также пожелала организовать “методологическую конференцию”, которая занялась бы определением “правильной методологии” исторических исследований (стоит добавить, что в Польше по инициативе органов власти состоялась только одна конференция, которая должна была определить методологию истории, и было это 1950 году). Здесь, однако, отозвались средства массовой информации, которые проявили похвальный плюрализм. Часть СМИ критически отреагировала на требования и действия политиков в этом вопросе, заговорили о покушении правительства Гражданской Платформы на свободу научных исследований. Правительство нажало на тормоз. Проверка университета была приостановлена. Однако госпожа министр образования сразу после этого обратилась в Сенат с призывом забрать у Ягеллонского университета выделенную ему ранее дотацию на развитие его инфраструктуры в размере 200 млн. злотых (около 65 млн. долларов), заявляя, естественно, что ее предложение не имеет ничего общего с проблемной книгой о Валенсе. К счастью, господа сенаторы,

боясь компрометации, не прислушались к госпоже министру и дотацию университету оставили.

Меня не уволили из университета, неожиданно только отменилось мое участие в нескольких научных конференциях, на которые я был ранее приглашен. Также я получил целый ряд оригинальных анонимных писем (содержащих кал) и угроз по телефону. Звонившие анонимы грозились отомстить на “оскорбление” Валенсы, причем отомстить моим детям. Автор книги, Павел Зызак, лишился работы в Институте национальной памяти.

Я позволил себе написать об этом деле, поскольку оно раскрывает определенный механизм наказания за “неправильные” исторические работы. Механизм этот не связан ни с уголовным кодексом (нет еще в польском кодексе особого закона об обязательном культе Леха Валенсы и наказаниях за его нарушение), ни с формально действующими институтами “исторической политики”. Это традиционный, можно сказать, “старый добрый” механизм непосредственного политического давления. Мне трудно об этом писать, поскольку я являюсь одной из сторон в этом деле. Могу только указать на наиболее очевидные последствия. О Лехе Валенсе, самом известном из ныне здравствующих в мире польском политике, до настоящего времени не появилось ни одной научной монографии. За тему не взялся ни один из маститых профессоров. Двадцатичетырехлетний Павел Зызак отважился на первую попытку. На основании происшедшего за последние месяцы можно предполагать, что у него не появятся последователи. Вряд ли кто теперь отважится взяться за темы, по поводу которых политики и массмедиа совместно пытаются навязать то, что Наполеон в приведенной в начале статьи цитате назвал “согласием” (*accord*).

В Польше политическая история продолжает быть “горячей” и может обжечь. Сегодняшние сенаторы Польской республики, к сожалению, забыли слова, сказанные 350 лет тому назад их предшественниками: “Если какой печатник напечатает хорошие и справедливые вещи, то мы это хвалим, а если глупцы напечатают что-то скверное, недостойное или лживое, то мы над этим смеемся. Если же никто книг печатать не будет, то потомки наши ничего о нас знать не будут”.

Я не имею права здесь решать, заслуживает книга о Лехе Валенсе смеха или нет (до настоящего момента не вышла ни одна научная рецензия на эту книгу). Я рад, однако, что она могла быть напечатана, что она нарушила “историческое согласие”, которым в некоторых вопросах пытаются заменить поиск исторической правды.

Политика, связанная с формированием сообщества, базирующегося на некоторой идентичности или же подвергающего сомнению идентичность одних сообществ и замещающего ее иной (индивидуальной или коллективной), часто прибегает к “историческим аргументам”. Так происходит не только в России и не только в Польше. Опасной эта политика становится только тогда, когда пытается навязать консенсус, который никто не может подвергнуть сомнению. Тогда она опасна независимо от того, опираются ли проводники исторической политики на параграфы уголовного права, создают ли они организации, призванные принимать окончательные решения относительно того, что считать исторической правдой, а что нет. Опасность не определяется ссылками на уголовный кодекс или наличием специальных организаций. Опасность связана с навязыванием – посредством прямого давления политиков или массмедиа – консенсуса вокруг обозначенной табуированной области. Я убедился в этом сам, а ничто не учит так эффективно, как собственный опыт.

SUMMARY

The essay by Polish historian Andrzej Nowak consists of two parts: in the first part he shares his thoughts about the decision of the Russian president to create the Presidential Commission to Counter Attempts to Harm Russia’s Interests by Falsifying History. He finds in its program a clear imperial dimension and reconstructs its potential legal influence in several areas by analyzing the text of the draft law “On Counteracting the Rehabilitation of Nazism, Nazi Criminals, and Their Accomplices in the Newly Independent States on the Territory of the Former USSR.” He points out the dramatic disparity between the historical memory of World War II in Poland or the Baltic States and Russia, and speculates about the type of political measures that can establish the Russian official historical narrative as a dominant one. Nowak claims that the borders of the prospective Russian empire coincide with the territory under the jurisdiction of the law “On Counteracting...” and the presidential Commission.

He then turns to the more general question of the state as a main subject of the politics of history and memory and the juridization of historical judgment as a contemporary trend. In the second part of his comments, Nowak offers his interpretation of the recent Polish politics of memory and history,

in particular, of the activities of the Polish Institute of National Memory. While he evaluates the politics of history of Kachinsky's administration as being rather liberal and pluralistic, he is disappointed with the attempts of the current administration to use the state apparatus to control historical debates. He tells the story of how he, the professor of history at Jagiellonian University in Krakow, in February 2009 became the target of left-leaning newspapers and a victim of government pressure for his role in supervising and publishing a revisionist biography of Lech Walesa.